
УРОК
ПРОВОКАЦИИ
18+
ТЕЯ ЛАВ

Тея Лав
Урок провокации

https://litres.ru/74777323
SelfPub; 2026

Аннотация

Арабелла Вэнс привыкла получать то, чего хочет. Она красивая, умная, уверенная в себе и прекрасно знает, какое впечатление производит на окружающих. Но Джексон Риверс почему-то не спешит попадать под ее чары. Более того, он совершенно не скрывает, что считает Беллу богатой красоткой, которой просто нечем заняться.

Джексон — это другой мир. Ночные гонки, рев моторов и скорость. Он не из тех, кто легко подпускает к себе людей, а Беллу и вовсе предпочел бы держать на расстоянии. Только вот между ними слишком много невысказанного, чтобы продолжать делать вид, будто ничего не происходит.

Белла не собирается отступать. Если Джакс уверен, что уже раскусил ее, самое время доказать ему, насколько сильно он ошибается.

Ее собственный урок провокации может оказаться куда горячее, чем Джексон рассчитывал. Особенно когда речь идет о мужчине, который так отчаянно старается не показать, насколько сильно она его притягивает.

Содержание

Плейлист	4
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	50
Глава 7	61
Глава 8	70
Глава 9	82
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Тея Лав
Урок провокации

Плейлист

Hollywood Undead — Bloody Nose
Rihanna — Pour It Up
MGK feat. Trippie Redd — Candy
Hollywood Undead — Cashed Out
Bad Omens — Artificial Suicide
Thousand Foot Krutch — Let the Sparks Fly
Papa Roach — Scars

Глава 1

Белла

Музыка играет слишком громко, вокруг пахнет дорогим парфюмом. Повсюду смех, разговоры, вспышки камер и привычный флирт. Очередная вечеринка, ничем не отличающаяся от сотни предыдущих.

Я стою на террасе, лениво помешивая лед в бокале.

Кевин уже минут десять рассказывает мне про новую машину, которую пригнал его старший брат, то и дело заглядывая в глаза и ловя каждое мое движение. Он наклоняется ближе, чем следовало бы, явно рассчитывая, что я позову его к бассейну или хотя бы уделю ему чуть больше внимания, чем остальным.

Мне не хочется быть грубой сукой, поэтому я ограничиваюсь вежливой улыбкой.

— Вот ты где. — Дениз появляется на террасе, хватает меня под руку и тянет в дом. — Кевин, хватит лекций про поршни. Давайте лучше танцевать.

Внутри жарче, чем на улице.

Мы с Дениз со смехом растворяемся в толпе, и вскоре вокруг нас появляется привычное свободное пространство. Я ловлю жадные взгляды парней и чувствую, как они задерживаются на моей фигуре. Не буду лукавить — мне нравится

внимание. Темные волосы с несколькими розовыми прядями струятся по спине, когда я запрокидываю голову в танце. Узкое черное платье едва заметно приподнимается, открывая бедра чуть сильнее, чем следовало бы.

Сегодня мне хочется чувствовать себя свободной и не думать о том, кто что подумает.

В какой-то момент атмосфера меняется. Музыка продолжает играть так же громко, но пространство словно заполняется чьим-то присутствием. Я поворачиваю голову к входной двери, куда неожиданно смещается внимание почти всей комнаты.

На пороге появляется Калеб.

Его тут же хлопают по плечу, приветствуют кивками и короткими окриками, но он почти сразу делает шаг в сторону, освобождая проход. За ним входит тот, кого здесь никто не ждал.

Джакс Риверс.

Он выглядит чужим среди этой студенческой вечеринки и одновременно настолько уверенным, будто именно ему принадлежит весь дом. Черная кожаная косуха поверх простой футболки подчеркивает широкие плечи, темные волосы слегка растрепаны, а на скуле виднеется старый шрам.

Он не рассматривает людей вокруг. Его глаза спокойно скользят по комнате, задерживаясь ровно настолько, чтобы оценить обстановку.

Когда они встречаются с моими, внутри неприятно что-

то сжимается.

Никакого узнавания.

Никакого приветствия.

Только равнодушие.

Я сильнее сжимаю бокал. Какого черта меня вообще волнует этот парень?

Дениз оказывается рядом почти сразу.

— О, я знаю этот взгляд, — тихо хмыкает она, проследив направление моих глаз.

Я тяжело вздыхаю.

— Да ладно тебе, — продолжает подруга, покачивая бедрами в такт музыке. Дениз откидывает за плечо несколько афрокосичек, на ее темной коже мелькают блики цветных огней. В коротком топе и обтягивающих джинсах она выглядит чертовски сексуально и, кажется, прекрасно об этом знает. — Не понимаю, почему ты так зациклилась на нем. Только потому, что он не смотрит на тебя так, как остальные?

— Не знаю.

Дениз понимающе улыбается.

— Тебе нужен парень, Белла. У тебя давно не было нормальных отношений. Ты ведешь себя, как школьница, которая втрескалась в крутого старшеклассника.

— Спасибо за глубокий психоанализ, доктор.

— Всегда пожалуйста.

Я смотрю на барную стойку. Джакс принимает стакан у кого-то из парней и продолжает стоять так, будто происхо-

дящее вокруг его совершенно не касается.

Дениз думает, что дело в моем самолюбии.

Если бы. Меня цепляет совсем другое.

Он держится так, словно весь этот мир — вечеринки, деньги и красивые люди — для него ничего не значит, и мне вдруг становится жизненно важно понять почему.

— Нет, Белла, — уже серьезнее говорит Дениз.

Но я смотрю только на него.

— Да.

Поправив волосы, я уверенно направляюсь к барной стойке.

Шум остается где-то позади. Я чувствую спиной растерянный взгляд Дениз, но останавливаться уже поздно. Когда подхожу ближе, Джакс как раз ставит пустой стакан на стойку. На секунду его глаза задерживаются на мне, медленно скользят по волосам, платью и поднимаются к губам. В глубине темных глаз мелькает мужской интерес, от которого у меня на мгновение сбивается дыхание.

И почти сразу исчезает.

— Налей еще, — спокойно бросает он бармену.

Будто меня рядом нет. Я замираю в шаге от него, чувствуя себя полной дурой. Это даже не грубость. Такое ледяное безразличие ранит сильнее любых оскорблений.

Я кладу ладонь на деревянную стойку.

— Тяжело, наверное, находиться среди людей, которых презрительно терпишь?

Он медленно поворачивает голову.

— С чего ты взяла, что я их терплю? — Его голос оказывается ниже, чем я ожидала, с легкой хрипотцой. — Я здесь по делу. А вот что здесь делаешь ты, кроме попыток привлечь мое внимание?

Ответ попадает точно в цель.

— Ошибаешься, Риверс, — спокойно произношу я, выдерживая его взгляд. — Я сюда не за твоим вниманием пришла. Просто люблю знать, кто портит воздух на моих вечеринках.

Уголок его губ едва заметно дергается.

— Тогда советую отойти подальше. Скоро воздух испортится окончательно.

Меня добивает его спокойствие. Это *он* пришел сюда после меня. Но разговаривает так, будто все здесь принадлежит ему.

Я сокращаю расстояние между нами.

— Вообще-то первой здесь была я, если ты не заметил. Так что это не я пытаюсь привлечь твое внимание. Скорее наоборот. Ты входишь сюда с видом человека, которому весь мир что-то должен.

Он даже не отступает. Только чуть склоняет голову, внимательно рассматривая меня.

— Мне все равно, кто был первым. И уж точно я не собираюсь тратить время, чтобы за кем-то следить.

Он отворачивается обратно к стойке. Разговор, по его

мнению, закончен. Но я успеваю заметить одну мелочь. Его челюсть напряжена. Пальцы слишком крепко сжимают край столешницы.

Именно за это можно зацепиться.

Я наклоняюсь чуть ближе.

— Знаешь, а ведь ты врешь.

Он молчит.

— Тебе не все равно. Просто ты понятия не имеешь, как себя вести, когда кто-то смотрит на тебя не снизу вверх и не с испугом. — Я выдерживаю короткую паузу. — Пришел сюда с видом плохого парня из дешевого кино, рассчитывая, что все расступятся?

Кончиками пальцев легко касаюсь стойки рядом с его рукой.

— Расслабься, Риверс. Здесь всем плевать на твою суровую мину. Кроме тебя самого.

Он замирает.

На долю секунды на его лице появляется настоящее удивление, а потом глаза темнеют от раздражения.

Наконец-то.

Но ответить он не успевает. Я выхватываю стакан из его руки. Крепкий алкоголь обжигает горло, но я даже не морщусь.

— За твое равнодушие, Риверс.

Пустой стакан со стуком возвращается на стойку. Я разворачиваюсь и уверенным шагом ухожу обратно в центр го-

стиной.

Музыка снова накрывает меня, толпа смыкается вокруг, и я позволяю себе раствориться в танце. Только ощущение чужого внимания никуда не исчезает. На этот раз Джакс больше не отворачивается.

Глава 2

Белла

В голове до сих пор гудит после вчерашней вечеринки. Яркое солнце Аризоны безжалостно заливает белые мраморные столешницы и высокие потолки кухни в стиле модерн, пока я забредаю сюда в одной растянутой футболке, крепко сжимая кружку с горячим кофе.

Мы сняли этот двухэтажный дом недалеко от кампуса два года назад. Просторная гостиная и веранда обошлись в круглую сумму, но оно того стоило.

Дениз уже сидит на высоком барном стуле у кухонного острова и методично закрашивает синяки под глазами консилером. Хлоя крутится рядом у раковины, ее белоснежные волосы собраны в небрежный высокий хвост, а безупречные черты лица не портят даже легкие следы вчерашних коктейлей. Она одновременно что-то ищет в сумочке и оживленно жестикулирует.

— Серьезно, этот квотербек весь вечер таскался за мной, но он же тупой как пробка, — тараторит Хлоя, резко поворачиваясь ко мне. — В отличие от некоторых. Белла, ты вообще видела, как на тебя пялился Джакс Риверс?

Как обычно, при упоминании этого парня мое сердце на миг замирает, и каждый раз это сбивает меня с толку. Но я

быстро беру себя в руки, делаю медленный глоток кофе и позволяю себе самодовольную улыбку.

Конечно, я видела. Его тяжелый, пристальный взгляд жег мне спину почти всю ночь. Чертовски приятно осознавать, что этот невозмутимый король ночных гонок потерял контроль. Хочется верить, что в свои двадцать один я уже отлично умею читать людей и видеть их насквозь. Но где-то в глубине души, под этой уверенностью, все равно копошится трезвая мысль: как бы искусно я ни играла в эти кошки-мышки, тот взгляд был всего лишь на один вечер. В следующий раз он снова будет равнодушен.

Почти все мои друзья знают об моей одержимости Джаксом, и готова поклясться, что об этом знает и он. Мне не стыдно, я стараюсь прятать это за шутливым флиртом или простой заинтересованностью, которая не делает из меня больную и влюбленную психопатку. Его равнодушие не выставляет меня посмешищем лишь потому, что моя уверенность в себе гораздо сильнее этого. К тому же Джакс так редко забредает на студенческие вечеринки, что иногда кажется, будто он вовсе не учится, хотя это не так. Его жизнь совсем другая, и происходящее в кампусе его не интересует. Именно это и делает его почти недосягаемым для меня.

Так что, да, со стороны все выглядит так, будто я просто флиртую и уже год пытаюсь заполучить Джакса в свои сети. Даже другие парни и свидания не способны отвлечь меня от главной цели. Обычная игра, ничего серьезного. Но есть ве-

щи, о которых я не говорю вслух. Даже мысли, которые возникают у меня в голове, я стараюсь прогонять, не то что произносить их вслух.

Вспоминая его глаза, я невольно поджимаю губы. Черт. Лучше бы все было как раньше.

Первые два года в Университете Аризоны Джакс Риверс существовал для меня где-то на периферии университетской жизни. Ну да, еще один смазливый парень с факультета бизнес-управления, от которого все девчонки на курсе теряли голову. Высокий, с этой вечной расслабленной походкой и взглядом человека, которому все вокруг глубоко безразлично. Так же, как и сейчас, он почти не появлялся на студенческих вечеринках в кампусе, предпочитая растворяться в абсолютно в другой атмосфере. Для меня он был просто очередной красивой картинкой, которая не стоила потраченных нервов и времени.

Ровно год назад все изменилось.

Это случилось в середине октября, когда осенняя жара наконец спала. Я застряла на заправке на окраине Феникса около двух часов ночи после неудачной вечеринки. У моей машины сел аккумулятор, как и телефон, который разрядился в ноль. Я уже собиралась просить у заправщика его телефон, когда рядом с колонкой остановился черный Мустанг.

Из машины вылез Джакс в испачканной машинным маслом черной футболке, с растрепанными волосами и сигаретой в зубах. Он не стал строить из себя вежливого спасите-

ля или отпускать дешевые шуточки. Он просто молча кинул мне в салон переносной аккумулятор, посмотрел на капот моей машины своими темными, непроницаемыми глазами и сказал:

— Если через десять минут не заведешься, брошу тебя здесь куковать, котенок.

В тот момент в нем не было ни капли очарования, за которое его любили в кампусе. Была только опасная уверенность человека, который каждую ночь играет в рулетку со смертью на ночных трассах. Именно тогда идеальный фасад «просто симпатичного парня» треснул, обнажив под собой кое-что гораздо более интересное.

Я заставила мотор завестись ровно через семь минут, чисто из вредности, чтобы не дать ему повода меня бросить. До сих пор помню, как зло захлопнула капот, подошла к его Мустангу и молча вернула аккумулятор через опущенное стекло, бросив в ответ что-то ядовитое про его манеру вождения и общения. Джакс тогда лишь усмехнулся, затягиваясь сигаретой, и в его глазах мелькнуло искреннее удивление.

С той ночи что-то щелкнуло.

От воспоминаний меня возвращает голос Хлои, которая звонко щелкает крышкой своей помады.

— Так, все готовы? Сегодня я ваш водитель до кампуса.

Возвращаясь в реальность и отставляя пустую кружку в раковину, я выдыхаю.

— Езжайте без меня. Мне нужно добить это гребаное дело

по грабежу со взломом, иначе профессор Миллер сегодня меня сожрет на семинаре по уголовному процессу.

Хлоя закатывает глаза так демонстративно, что, кажется, может увидеть собственный затылок.

— Опять твои маньяки и взломщики. Ладно, езжай разбираться со своими преступниками, но к пяти часам чтобы была как штык.

— Зачем? — уточняю я.

Хлоя тяжело вздыхает, прожигая меня взглядом.

— Инди-клуб. Кевин купил нам билеты еще в прошлом месяце.

— Точно, — вспоминаю я и чувствую, как к горлу поднимается недовольство. Сегодня я бы с гораздо большим удовольствием провела вечер в своей постели.

Дениз, наконец закончившая с макияжем, молча кивает, подхватывает ключи от своего новенького БМВ и выбегает из дома, бросив на ходу:

— Боже, я опаздываю! Хлоя, тащи свою задницу скорее!

Оставшись на кухне одна, я наконец выдыхаю. Поднявшись наверх, принимаю быстрый прохладный душ, смывая остатки сна, и подхожу к гардеробной.

Для учебы на юрфаке у меня свой дресс-код. Я люблю вещи, которые одновременно выглядят строго и подчеркивают фигуру. Выбираю облегающую черную блузку, строгую юбку-карандаш миди с глубоким разрезом сзади и лакированные туфли на устойчивом каблуке. Волосы собираю в иде-

альный гладкий хвост. Никаких лишних деталей.

Пара уже побледневших розовых прядей совершенно не нравятся моему наставнику. Он говорит, что эти пряди говорят обо мне слишком много. Адвокатов, к сожалению, тоже встречают по одежке, а провожают по статьям. В целом я понимаю, о чем он. Но это всего лишь пара прядей, которые со временем смоются.

Я еще не сижу в залах суда — пока моя сексуальная задница протирает стул в юридической клинике[1], разбирая мелкие дела. Но это уже начало. Это мой последний год, поэтому времени на сомнения остается все меньше.

Закинув в кожаный шоппер массивный уголовный кодекс вместе с ноутбуком, я спускаюсь в прихожую.

Жара Аризоны буквально ударяет в лицо, как только я открываю входную дверь. Моя машина — стильное белое купе, которое папа подарил мне на поступление, — послушно откликается на брелок.

Дорога занимает минут десять. В салоне тихо играет радио, на пассажирском сиденье валяются распечатки судебных прецедентов по уголовным делам, исписанные моими резкими замечаниями на полях.

Я паркуюсь у старого кирпичного корпуса юридического факультета, где на первом этаже располагается универси-

[1] Юридическая клиника (Legal Clinic) — при многих американских юридических факультетах работают бесплатные юридические клиники, где студенты старших курсов под руководством лицензированных адвокатов консультируют малоимущих граждан и помогают вести реальные дела.

тетская юридическая клиника. Если наверху, в лекционных аудиториях, царит чистая теория, то здесь пахнет дешевым растворимым кофе, свежей бумагой и суровой реальностью.

Я захожу через стеклянные двери, цокая каблуками по потертому линолеуму, и сразу направляюсь к нашему общему кабинету.

— Арабелла, ты вовремя. — Из дверей крошечного кабинета показывается наш клинический супервайзер и мой наставник, мистер Кеннеди, лицензированный адвокат с вечным выражением легкой усталости на лице. — У нас новый клиент. Мелкое дело, но судья попался вредный. Посмотришь материалы?

Я молча киваю, забираю увесистую папку и опускаюсь за свой стол в углу. Даже не хочется говорить, что я еще не разобралась со старым делом, а мне уже вручили новое. Нет, это не в моем характере.

Для окружающих, особенно для самоуверенных парней, чьи имена мне уже надоело произносить даже мысленно, я выгляжу типичной девушкой, которая живет на родительские деньги ради красивой строчки в резюме. Они видят меня только с бокалом на вечеринках или на утренних похмельях в кругу подруг и уверены, что в моей голове только брендовые шмотки, вечеринки у бассейна и планы на выходные.

Возможно, часть правды в этом есть. Я ведь не робот. Я люблю красивые вещи и хорошие выходные, как любой нор-

мальный человек. Но я не состою только из этого. Они понятия не имеют, чем заняты мои дни.

Я раскрываю папку и с головой ухожу в полицейские протоколы. Сегодня на повестке дня классический набор уличного хаоса: ночные гонки, превышение скорости, сопротивление при аресте и попытка скрыться от патрульных. Я бегло просматриваю рапорт офицера, цепляясь взглядом за процессуальные нестыковки. Время задержания указано с ошибкой, а в протоколе досмотра нет подписи понятых — чистейшее нарушение Четвертой поправки.

Губы сами собой трогает холодная ухмылка.

Если бы кое-кто знал, что я каждую неделю разбираю именно такие дела — с ночными трассами, конфискованными машинами и тупыми копами, пытающимися засудить уличных гонщиков, — он бы, пожалуй, посмотрел на меня совсем иначе.

Пусть продолжает считать меня пустоголовой красоткой. Мне даже выгоднее, когда недооценивают человека, который в любой момент может разнести твое «железное» алиби в пух и прах по одной лишь букве закона.

Глава 3

Джакс

Мотор Мустанга затихает с характерным металлическим щелчком, остывая после поездки из колледжа. Я глушу двигатель, откидываюсь на подголовник и на секунду прикрываю глаза. Утро выдалось скучным, лекции по экономике и менеджменту тянулись так медленно, будто кто-то специально растягивал время, испытывая мое терпение. До диплома остался всего один чертов год, но всем вокруг почему-то кажется, что эта университетская тягомотина — именно то, ради чего стоит просыпаться по утрам.

Я вылезаю из машины и с глухим стуком захлопываю дверь. Знакомая лужайка встречает меня привычным запахом машинного масла, смешанного с палеными покрышками. Дом достался нам по наследству и за годы превратился скорее в просторный гараж с жилыми комнатами наверху, чем в уютное гнездышко.

Едва я поднимаюсь на крыльцо, из открытой двери мастерской, примыкавшей к дому, доносится грохот тяжелого инструмента и громкий голос.

Люк возится под днищем форда, высунувшись наполовину наружу. Из-под машины торчат только ноги. Люк — мой старший брат и напарник, человек, у которого на любое жиз-

ненное обстоятельство есть два ответа: либо «почини сам», либо «не лезь, не твое дело».

— Ты живой? — бросаю я, переступая порог и швыряя ключи на верстак среди вороха свечей зажигания и гаечных ключей.

Люк сдавленно ругается, бьется плечом о раму, выкатывается на тележке из-под машины и сдергивает с лица защитную маску. Лицо у него потное, волосы взъерошены, а на щеке старый шрам, почти как у меня, оставшийся еще с тех времен, когда мы делили одну комнату и дрались из-за любой мелочи.

— Живее всех, мелкий, — хрипло отзывается он, вытирая руки о грязную тряпку. — Ты где пропадал? Запчасти для подвески должны были привезти еще два часа назад.

— Я говорил, у меня сегодня занятия, — отвечаю я, рывком стягивая через голову темную футболку. — Кстати, мне скинули координаты на завтра. Ночные заезды в каньоне в силе.

Люк хмурится, поднимаясь на ноги и скрестив руки на груди.

— Опять каньон? Доиграешься, Джакс. Копы в этом округе в последнее время слишком сильно закручивают гайки. Им нужен кто-то громкий, чтобы показать свою работу. А светиться лишний раз нам сейчас ни к чему.

Я молча киваю, хотя слова брата улетают в пустоту. Осторожность никогда не была моей сильной стороной, да и пра-

вила существуют лишь для того, чтобы проверять их на прочность.

В целом, мы оба жили так всегда, пока Люк не понял, что иногда может брать роль старшего и взрослого, чтобы нам обоим удалось удержаться на плаву. Родители исчезли отсюда так давно и тихо, что это перестало волновать. Отец ушел задолго до того, как мы научились сами перебирать карбюраторы, оставив после себя лишь этот полуразвалившийся на тот момент гараж да пару заложенных коробок со старыми инструментами. Мать просто решила, что свобода и новая жизнь на другом конце страны важнее нас. Мы с Люком быстро усвоили урок: рассчитывать можно только на свои руки, свой мотор и друг на друга.

— Ладно, — бросаю я, отгоняя ненужные мысли и забирая со стола бутылку ледяной воды. — Давай сюда свои запчасти. Нужно довести Мустанг до ума, чтобы никто на трассе даже не пискнул, когда я уйду со старта.

Люк тяжело вздыхает, но в его глазах вспыхивает та же искра азарта, что и у меня. Мы оба из одной породы. Пока мотор ревет, прошлое и пустота вокруг не имеют никакого значения.

***

Ночной воздух в каньоне густой, пропитанный паленым бензином, раскаленным до предела асфальтом и дешевым

виски, который разливают из горла в толпе зрителей. Здесь, за чертой города, где фонари давно не работают, мир делится на две вещи: слепящий свет фар и кромешную темноту обрывов.

Я сижу в салоне Мустанга, чувствуя, как под капотом дрожит и рвется наружу вся мощь настроенного движка. Из колонок ревет Hollywood Undead — *Bloody Nose*. Руки крепко сжимают руль, на костяшках следы машинного масла. Вокруг кипит толпа. Кто-то орет, делая ставки, кто-то прикуривает сигарету на капоте чужой тачки, а неоновый свет освещает лица. Всем плевать, кто ты днем или в колледже. Здесь имеет значение только то, насколько быстро ты готов войти в слепой поворот над пропастью.

Красный свет стартовых фонарей режет глаза, а секунду спустя взмахивает флаг, и каньон взрывается ревом сотен лошадиных сил.

Мой Мустанг срывается с места с пробуксовкой, оставляя на асфальте черные обугленные следы. На первой прямой меня тут же обходит черный заряженный Додж Чарджер. За его рулем Мэтт — едва ли не единственный серьезный соперник с улиц, за плечами которого десятки таких ночей и репутация одного из лучших гонщиков на этой трассе.

Впереди первый слепой поворот над пропастью. Мэтт входит в него на бешеной скорости, но чуть раньше положенного начинает притормаживать, перестраховываясь. Я знаю этот участок не хуже него, здесь не тормозят, здесь полага-

ются только на инстинкты и мертвую хватку.

— Ну давай, — шепчу я себе под нос, вдавливая педаль газа в пол до упора и игнорируя дикий визг шин, которые на мгновение теряют сцепление с дорогой над самой бездной.

Машину бросает в сторону, руль бьет по пальцам, но я выравниваю тачку. На долю секунды оказываюсь бок о бок с Доджем. В свете фар успеваю разглядеть лицо Мэтта, его сосредоточенный взгляд, крепко вцепленные в руль руки и уверенность в том, что золото сегодняшняя ночь принадлежит ему. До финиша остается всего пара сотен метров по прямой, и его капот уверенно идет на корпус впереди. Мэтт уже бросает короткий взгляд в сторону, празднуя победу.

Но он забывает главную вещь: Мустанг собран моими и моего брата руками.

На последней прямой я вдавливаю педаль газа в самый пол и большим пальцем правой руки резко нажимаю кнопку активации на руле. Система мгновенно оживает, порция закиси азота идет в камеры сгорания, давление в топливной рампе скачет, и двигатель отвечает на это тяжелым, надрывным ревом. Машину резко бросает вперед, вжимая меня в кресло так, что в груди появляется тупая боль. Визг резины закладывает уши, асфальт под колесами словно плавится, а стрелка тахометра бьется в красную зону.

Я пролетаю финишную черту, вырвав победу всего за пару метров, в то время как Мэтт успевает только перевести взгляд вправо, когда мои задние габариты проносятся мимо.

Едва я вылезаю из салона, меня тут же сгребают в охапку. Парни из нашей тусовки обступают со всех сторон, кто-то лупит по плечу так, что чуть сустав не вылетает, кто-то от души треплет по волосам, а кто-то уже орет на ухо.

— Ты видел свое лицо на выходе из поворота? Псих! — ржет Диего, протискиваясь сквозь толкучку и звонко шлепает ладонью по крылу машины.

Со смехом я даю пять своему школьному другу.

Народ вокруг шумит, спорит, обсуждает заезд, но долго задерживаться здесь никто не планирует — копы могут нагрянуть в любой момент.

Из толпы выныривает Брок, один из организаторов этой движухи, крутя в пальцах толстую пачку купюр. Он подходит ближе, ухмыляется, подкуривая сигарету, и бросает мне зеленую увесистую связку.

— Забирай, чемпион. Мэтт сегодня плевался дальше, чем видел, но ты ушел чисто.

Я перехватываю пачку на лету, даже не пересчитывая, и запихиваю в карман джинсов. Отлично. Теперь у меня есть вся сумма на оплату последнего года в колледже. Это значит, что остальные выигранные деньги я могу тратить только на свою машину.

Быстро пройдя между рядами тачек, я обмениваюсь с друзьями парой фраз и уже решаю свалить отсюда. Сегодня мне явно нужно выспаться.

Я уже тянусь к ручке дверцы, но дорогу мне преграждают.

— Не буду ходить вокруг да около, Джакс, — заявляет Кэт, скрестив руки на груди. — Прошло больше полугода, а этого времени вполне достаточно, чтобы мы оба остыли.

Открыв рот, я не сразу нахожусь с ответом. Мы расстались больше полугода назад, но никакого разговора про «остыть» я не помню.

Кэт продолжает прожигать меня своими темными глазами. Ее прямые черные волосы собраны в высокий хвост, на загорелом лице застыло выжидающее выражение с приподнятыми бровями, а на губах, покрытых красной помадой, играет легкая ухмылка.

— Не понимаю, Кэт, — наконец говорю я.

Она хмыкает.

— Мы поставили отношения на паузу. Ты не помнишь наш последний разговор?

Я делаю вид, что роюсь в памяти, хотя на самом деле прекрасно все помню.

— Ну да. Но мне кажется, во время этой паузы не должно было быть других парней.

Она закатывает глаза.

— Ты про Декса? Забей, это была ошибка. Ты вообще игнорировал меня.

Я пожимаю плечами.

— Уже забил.

— Серьезно?

— Ага. Может, отойдешь? Мне пора.

Она недовольно щурится.

— Ты как ребенок, Джакс.

Я не сдерживаюсь от легкого смешка.

— Окей, зато я честный.

Кэт вздыхает, и вся ее напускная уверенность испаряется. Она не пытается строить из себя жертву или устраивать сцену. По крайней мере, сейчас. Мы слишком хорошо друг друга знаем для дешевой драмы.

— Я ведь не пытаюсь испортить тебе вечер, — говорит она уже мягче, опуская руки. — Просто хотела поговорить. Посмотреть, как ты.

Я смотрю на нее в свете неоновых вывесок и понимаю, что внутри действительно ничего не осталось. Если вообще что-то было. Я ведь даже не злюсь. Есть только понимание, что мы оба давно стали чужими людьми.

— Посмотрела? — чуть спокойнее спрашиваю я. — Все нормально, Кэт. Жив, как видишь, и главное не за решеткой.

Она криво усмехается, признавая поражение, и наконец делает шаг в сторону, освобождая дорогу к машине.

— Ладно. Береги себя на трассе, чемпион.

— Обязательно, — киваю я.

Я обхожу машину, открываю дверь и забираюсь внутрь. Мотор оживает с привычным рокотом, заглушая разговоры толпы. Я бросаю последний взгляд в зеркало заднего вида. Кэт уже разворачивается и уходит к своим друзьям.

Так спокойно я с девушками еще не расставался.

Но стоит мне перевести взгляд на пустую дорогу, как в голове совершенно неожиданно вспыхивает образ другой девушки.

Какого хрена?

Нет, я, конечно, могу думать о любой девушке, но почему сейчас вспомнил именно об этой? Странно.

Я резким движением сбрасываю ручник, раздражаясь на самого себя. Я ведь прекрасно знаю, чего добивается Арабелла Вэнс. Ее упорный интерес, долгие взгляды в коридорах колледжа и попытки подобраться ближе — все это я видел уже сотню раз. Для нее я просто еще один сложный ребус, вызов, очередной трофей. Мое равнодушие бьет по ее самооценке, по крайней мере, мне так кажется. Мне не нужна девчонка, которой просто хочется поиграть в спасательницу или приручить «дикаря». Хватит с меня чужих игр.

Я резко жму на газ, решительно вытравливая из головы любые мысли о ней.

Глава 4

Джакс

Я задерживаюсь в учебном корпусе дольше, чем планировал. Цифры в таблицах уже сливаются в сплошное пятно, а в аудитории стоит такая духота, будто мы сидим в печи. Когда я наконец захлопываю ноутбук и закидываю его в рюкзак, на часах уже далеко за девять.

На улице тихо, вечерний воздух наконец немного остыл. Я иду к парковке, намереваясь просто добраться до дома, но внезапно взгляд останавливается на фигуре, выходящей из юридического корпуса. Я машинально замираю в тени деревьев, и на секунду у меня просто перехватывает дыхание.

Это действительно Арабелла Вэнс? Или слишком похожая на нее девушка? Может, вообще ее сестра?

Белла, которую знаю я и от чьего пристального взгляда каждый раз стараюсь свалить куда подальше, не носит строгие брючные костюмы идеального кроя с белой рубашкой, расстегнутой на пару пуговиц. Та Белла на редких вечеринках, куда я заглядываю только благодаря Калебу, всегда появляется в легких платьях, с бокалом в руке и в окружении толпы. В моей голове давно засел удобный ярлык: очередная студентка, которой не составит труда получить хороший диплом, а из-за отсутствия настоящих целей ей просто скуч-

но жить. Даже при нашей первой встрече на заправке она не понимала, почему я не кинулся со всех ног помогать ей? Мое поведение слишком сильно ее задело. И именно поэтому, увидев меня в кампусе, она решила сделать меня своей целью. Восстановить пошатнувшуюся гордость.

Но сейчас от ее привычного образа не остается и следа.

Никакой показной мишуры — только облегающий фигуру силуэт, тугой хвост из темных волос и тяжелая кожаная папка в руке. Черт, а ведь она невероятно сексуальная в этом строгом прикиде. Куда круче, чем во всех тех коктейльных платьях вместе взятых. Вся эта деловая броня почему-то делает ее в сто раз притягательнее и опаснее.

Я смотрю на нее, и до меня наконец доходит, что она не просто числится на юрфаке ради статуса. Она действительно работает. Выходит из клиники в десятом часу вечера с тяжелой папкой документов.

Она спускается по ступенькам, поворачивает голову и вдруг замечает меня у аллеи.

Белла резко тормозит. На секунду с ее лица слетает вся привычная уверенность, а в глазах читается абсолютное, неподдельное удивление. Увидеть меня здесь в такое время — последнее, чего она ждала.

Но уже через мгновение она берет себя в руки, вскидывает подбородок и идет прямо ко мне, цокая каблуками по плитке.

— Заблудился, гонщик? — бросает она, останавливаясь в

шаге. В ее голосе звучит легкий вызов, но глаза выдают, что она все еще ошарашена моим появлением. — Корпус бизнес-планов и таблиц в другой стороне. Или решил сменить профиль и зайти на консультацию?

Я медленно вынимаю руки из карманов, не сводя с нее глаз.

— Просто проветривался, — хмыкаю я, чувствуя, как внутри растекается что-то непривычно приятное. — Ты сегодня в новом амплуа. Адвокат дьявола?

Белла прищуривается, но в уголках ее губ мелькает тень усмешки.

— В отличие от некоторых, я здесь не для того, чтобы просто покрутиться в толпе, Джакс.

— Да, я заметил, — тихо говорю я, делая шаг ближе настолько, чтобы почувствовать ее парфюм. — И знаешь что? Тебе идет.

Она едва заметно вздрагивает от моих слов, и я успеваю это поймать. На секунду между нами повисает такое напряжение, что его хоть ножом режь. Никаких привычных масок. Только она, я и полное понимание того, что оба вдруг выбились из своих обычных ролей.

Белла недолго позволяет себе выглядеть застигнутой врасплох. Проходит всего пара секунд, и на ее лице снова появляется привычная броня — непроницаемая, холодная и колючая. Она чуть склоняет голову, оценивающе оглядывая меня с ног до головы, и в ее взгляде вспыхивает знакомый

насмешливый вызов.

— Раз уж ты все равно здесь, Джакс, — ровным, почти деловым тоном произносит она, — может, тебе сразу нужна консультация? По уголовному праву. На случай очередных ночных заездов, когда полиция в следующий раз перекроет съезд с шоссе.

Я замираю. До меня доходит не сразу, но, когда пазл наконец складывается, внутри неприятно холодеет.

Черт.

Она ведь учится на юридическом факультете и работает в клинике не просто так. Она прекрасно знает, чем я занимаюсь по ночам, и сейчас это звучит не как случайная издевка, а как очень точный намек на мои проблемы с законом и риск в любой момент загреметь под статью.

Я сужаю глаза, стряхивая напускную расслабленность, но отвечать уже не спешу.

Белла ждет, чуть склонив голову набок и скрестив руки на груди. В ее взгляде чистый вызов.

— Какая забота, — криво ухмыляюсь я, пряча раздражение за ленивой иронией. — Не переживай, адвокаты мне не нужны. Я соблюдаю правила дорожного движения. Почти всегда. А если меня случайно занесло не туда, это еще нужно доказать.

Думаю, отбился чисто, не оставив зацепок. Но Белла лишь коротко усмехается.

— Доказывать будут не тебе, Джакс, — парирует она

мгновенно. — И точно не твоему страховому агенту, когда речь зайдет о превышении лимита штрафов. С таким списком неоплаченных квитанций за парковку и мелких нарушений у тебя скоро начнутся очень веселые проблемы с судом.

Я замираю на секунду, а потом уголки губ сами собой ползут вверх. Ловлю ее на этом блефе и чувствую себя чертовски уверенно.

— Красиво задвигаешь, адвокат, — усмехаюсь я, делая шаг ближе и чуть наклоняясь. — Но над искусством чистого блефа тебе еще нужно поработать. Другие козыри в рукаве есть, или это весь твой арсенал?

Белла даже бровью не ведет на мою усмешку. Вместо того чтобы смутиться или отступить, она делает шаг мне навстречу, так близко, что воздух между нами мгновенно становится наэлектризованным.

На секунду мысли путаются. Против воли взгляд соскальзывает ниже — на строгий, безупречно сидящий брючный костюм, который подчеркивает каждый изгиб ее фигуры. Черт. Почему я раньше не видел ее такой?

Ответ очевиден.

Я видел только игру и каждый раз отгораживался ледяной стеной. Сейчас же от этой привычной брони не осталось и следа. Только она — острая, уверенная и сводящая с ума.

Белла замечает, куда падает мой взгляд, но вместо смущения ее губы трогает хищная улыбка.

— Глаза выше, гонщик, — лениво и едко роняет она, чуть

прищурившись. — Или у тебя буксует не только машина, но и самообладание?

Это не красит меня, но я продолжаю смотреть на то, как ткань белой рубашки натягивается при каждом вдохе и как этот контраст между деловым дресс-кодом и откровенной женственностью начисто отключает способность соображать.

Весь мой напускной холод, вся долгая привычка держать дистанцию и отмахиваться от ее попыток сблизиться рассыпаются в прах от одного ее взгляда.

Белла не отступает. Она лишь чуть склоняет голову набок, позволяя мне рассмотреть все, что я так упорно игнорировал раньше, а затем медленно, с издевательской грацией проводит пальцем по воротнику рубашки.

— Налюбовался, Джакс? — в ее голосе нет ни капли смущения, только вызов. — Или мне еще покрутиться, чтобы до тебя наконец дошло, с кем ты имеешь дело?

Это отрезвляет меня лучше любой пощечины.

Я резко сбрасываю наваждение, заставляя себя перевести взгляд с ее выреза и губ обратно на глаза. Именно этого она все время и добивается — заиграться, заставить меня потерять контроль. Да, она чертовски сексуальная, я и раньше это прекрасно замечал, но мне сейчас совсем не нужны ее игры.

Я не долбаный трофей.

Я делаю шаг назад, разрывая эту опасную близость, и напускаю на себя привычную маску ледяного равнодушия.

— Концовка шоу впечатляет, адвокат, — бросаю я ровным тоном, возвращая себе полный контроль над голосом. — Но прибереги свои манипуляции для других слушателей. Игры в кошки-мышки оставь кому-нибудь поглупее.

В ее ярких голубых глазах не гаснет дерзкий вызов, но на секунду под этой броней проступает что-то еще.

Настоящее.

То самое отражение всех ее попыток достучаться до меня, которые я месяцами отбивал холодной стеной.

И от этого взгляда внутри что-то неприятно и остро екает.

Черт.

Я ведь только что оттолкнул ее максимально грубо, срубив на корню все ее попытки сократить дистанцию. И сейчас, глядя на то, как она держит удар, отчетливо понимаю, что веду себя как последний придурок. Настоящий мудак, который привык защищаться нападением, даже когда нападать никто и не собирался.

Злость на самого себя жжет сильнее, чем ожидалось. Я сглатываю вставший в горле ком, но гордость все еще держит меня за горло, не позволяя сразу взять слова назад.

Мысль о том, что нам лучше перестать пересекаться, приходит неожиданно просто. У каждого из нас своя нормальная, понятная жизнь. Я не хочу быть грубым козлом.

— Послушай, — тру пальцами переносицу, пытаясь сбросить это напряжение, и смотрю на нее уже без сарказма. — Хватит. Забудь про меня, Арабелла. У нас совершенно раз-

ные жизни, и тебе проще перестать тратить на это время. Давай каждый пойдет своей дорогой.

— Знаешь что, Джакс? — холодно бросает она, как только я замолкаю. — Я наконец-то тебя раскусила. Тебе просто нужны удобные девчонки, которые смотрят тебе в рот и не создают проблем. Настоящая, уверенная сложность — это уже слишком высокий уровень.

Она разворачивается первой, оставляя меня стоять посреди кампуса со всеми моими недосказанными словами.

Я провожаю ее взглядом, чувствуя, как внутри все еще неприятно саднит после этого разговора. Да, черт возьми. Похоже, она совсем не такая пустая, легкомысленная и поверхностная, как я привык думать все это время. В ней оказалось гораздо больше стержня и глубины, чем мне хотелось замечать.

Но что это, черт возьми, меняет?

Абсолютно ничего.

Мы все равно из разных миров, и мне совсем не хочется ввязываться в игры, которые могут снести крышу нам обоим. Я разворачиваюсь в противоположную сторону и уверенным шагом направляюсь к парковке.

Глава 5

Белла

Наша просторная гостиная с панорамными окнами и светлым минималистичным интерьером будто создана для того, чтобы в ней отдыхали. Мы сидим вчетвером на бежевых диванах, раскинув ноги и наслаждаясь прохладой, которую разгоняет по комнате кондиционер. Подруги что-то оживленно обсуждают, а Калеб вальяжно устроился в кресле напротив, закинув ногу на подлокотник.

Я смотрю в свой бокал с розовым вермутом, где плавает одинокая долька лайма, и мысленно все еще прокручиваю сегодняшний день.

Но присутствие Калеба никогда не позволяет надолго погрузиться в свои мысли. Он всегда выглядит так, будто только что сошел с обложки журнала для загородного клуба, случайно оказавшись в мастерской автомеханика. Темные волосы чуть растрепаны, загар ровным золотистым оттенком лег на лицо, а в ярких насмешливых глазах пляшут искры. На нем дорогая брендовая футболка, обтягивающая широкие плечи. В ушах поблескивают маленькие кольца, такое же украшение красуется в крыле носа, а по шее и ключицам тянется сложная татуировка.

Калеб Деккер — ходячий парадокс. У его семьи огромные

счета в банках, он с легкостью выигрывает турниры по гольфу в элитном клубе Скоттсдейла, а уже через час может по локоть в мазуте валяться под капотом какого-нибудь ржавого мускул-кара на окраине города. И ему абсолютно плевать, как это смотрится со стороны.

— Ваши кислые лица выглядят так, будто вы обсуждаете предстоящие экзамены, а не пятничный вечер, дамы, — с легкой ухмылкой бросает Калеб, лениво крутя в пальцах ключ-брелок.

— Черт, Деккер, просто кто-то уже в сотый раз напомнил нам про свой чертов удар на седьмой лунке. Еще один намек про лунку, и я заставлю тебя отрабатывать это в твоем мазутном гараже. — Хлоя откидывается на спинку дивана, поигрывая ножкой бокала.

Калеб делает показательно оскорбленное лицо и прижимает руку к груди.

— Между прочим, Хлоя, на той лунке ты следила за каждым моим движением с куда большим энтузиазмом. И уж точно не жаловалась на мою координацию.

Дениз тихо фыркает в свой бокал, а я делаю глоток вермута, наблюдая за ними. Та ночь в Малибу после Рождества, похоже, до сих пор не отпустила этих двоих.

— Кончай самовыражаться за счет гольфа, — парирует Хлоя, даже бровью не поведя. — В постели ты, насколько я помню, был куда менее разговорчив.

Калеб расплывается в абсолютно наглой ухмылке, ничуть

не смущенный ни нашим присутствием, ни ее прямым намеком. Его правая бровь с аккуратным выбритым разрезом взмывает вверх.

— Крошка, если бы я был так же хорош на поле, как в остальном, меня бы уже пожизненно дисквалифицировали за нечестную игру.

— Серьезно, давайте закроем тему того Рождества, пока Калеб не решил устроить вечер воспоминаний про каждого из нас. — Дениз свешивает ноги с подлокотника дивана и выразительно закатывает глаза, бросая на него предостерегающий взгляд. — У нас вечер релакса, а не подведение итогов чужих безумств.

— О да, особенно учитывая твое «безумство» с арендованным гидроциклом, после которого местный причал до сих пор вздрагивает, — тут же откликается Калеб, расплываясь в довольной ухмылке.

Дениз без лишних слов запускает в него декоративной подушкой, которую он с легкостью перехватывает одной рукой.

Я делаю еще один глоток вермута и, не удержавшись, поддерживаю разговор.

— Вообще-то, если память мне не изменяет, пирс тогда восстанавливали за счет семейного фонда твоего отца, Дениз. Так что можешь считать это благотворительностью.

— Мой отец до сих пор думает, что это был шторм, — невозмутимо парирует она, и Хлоя рядом начинает громко ржать.

Спустя несколько минут телефон Калеба издает характерный звук входящих сообщений. Он читает экран, слегка нахмурив брови, затем быстро убирает телефон в карман джинсов и поднимается на ноги.

— Итак, дамы, мне пора.

Хлоя лишь закатывает глаза.

— Ты всегда приходишь к нам только поесть.

Он подмигивает ей.

— Не только. Я жду второй раунд.

Она отмахивается, потянувшись за своим телефоном, а Калеб быстро целует в щеку каждую из нас.

— Увидимся.

Я прекрасно знаю, куда он собирается. Так было уже сотни раз, и лишь несколько раз я пыталась уговорить его взять нас с собой, чтобы хотя бы однажды провести вечер не совсем в привычной атмосфере.

— Калеб, можно я спрошу еще раз?

Он останавливается, хватая с подголовника дивана кожаную куртку.

— Нет, Белла. И в этот раз ответ будет тем же.

— Почему? — срываюсь я.

Развернувшись, друг тяжело вздыхает и внимательно смотрит мне в глаза.

— Послушай, это полный бред. Ты будущий юрист, а не оперативник. Какого черта тебе вообще сдалось тащиться на эту нелегальную тусовку?

Я поднимаюсь с дивана и скрещиваю руки на груди, глядя на него в упор.

— Затем, что теория в аудиториях и наши бумажки из клиники — это одно, а реальная изнанка совсем другое. Мне нужно увидеть это своими глазами, а не перебирать чужие протоколы. Возьми меня с собой.

Калеб прищуривается, выразительно глядя на меня, и даже не думает соглашаться.

— Нет. Забудь. Даже не уговаривай, ответ — нет. Если тебя там заметят, твой диплом полетит к чертям раньше, чем ты успеешь получить лицензию. Сиди дома.

Я делаю шаг ближе, не отводя взгляда.

— Меня не поймают, потому что я буду стоять в стороне и просто смотреть. Кому вообще там будет до меня дело? Если ты меня не возьмешь, я поеду сама и найду это место без тебя. Выбирай: я еду с тобой под твоим контролем или без тебя, на свой страх и риск.

Калеб несколько секунд молча сверлит меня тяжелым взглядом, понимая, что в этот раз я не отступлю.

— Дело в Джаксе?

Старая песня.

Я вздыхаю.

— Не сейчас. Сегодня скорее нет, чем да.

Калеб остается стоять на месте, и это уже дает мне надежду.

— А что изменилось? — спрашивает он.

— Мне надоело, — честно отвечаю я.

Дениз и Хлоя синхронно поворачивают головы в мою сторону.

— Спустя год, — сухо констатирует Хлоя. — Наконец-то.

Но лицо Калеба по-прежнему выражает недоверие.

— Я серьезно, — говорю я, наклоняясь и ставя пустой бокал на стол. — Он считает меня тупой и пустой. Я не собираюсь доказывать обратное.

Мне не верят. Они знают меня слишком хорошо. Я и сама себе до конца не доверяю. Но мне действительно нужно сбавить обороты. Это уже начинает выглядеть нездорово.

Калеб с досадой выдыхает, разводя руками.

— Ты невыносима, Белла. Черт с тобой, собирайся. Но если ты хоть на шаг отойдешь от машины или сунешься ближе к эпицентру, я тут же разворачиваюсь и увожу тебя обратно. Долго ждать не буду.

Не веря своим ушам, я открываю рот. Я ведь блефовала. Никуда бы я не поехала посреди ночи одна.

Заметив мое удивление, Калеб начинает крутить ключи на пальце.

— У тебя три минуты.

Я бросаюсь на второй этаж.

— Мне хватит двух!

Неожиданно позади раздается топот еще одной пары ног.

— Я с вами! — кричит Дениз.

— Убейте меня, — стонет Калеб нам вслед.

***

Через полчаса мы сворачиваем с шоссе на узкую грунтовку, и внедорожник Калеба ныряет в глубокую тень гигантского каньона.

Стены из потрескавшегося песчаника и темного известняка уходят вверх на десятки метров, смыкаясь над головой в узкую полоску ночного неба, усыпанного звездами. Воздух здесь другой, пахнущий остывшим за день камнем, машинным маслом и сухой пылью. На дне этого каменного мешка уже вовсю кипит жизнь. В ярких лучах фар и переносных прожекторов суетятся люди, ревут моторы настроенных тачек, а вокруг импровизированного трека толпятся зрители с банками пива в руках, перекрикивая грохот музыки.

Я вылезаю из машины и замираю, запрокинув голову. Внутри меня мгновенно сталкиваются два совершенно разных человека. С одной стороны — будущий юрист, который автоматически цепляется взглядом за аварийные выходы, отсутствие охраны, слепые зоны камер и потенциальные точки для облавы, мысленно набрасывая проект очередного протокола о нарушении всех возможных норм безопасности. С другой — девушка, отчаянно желающая погрузиться в этот запретный мир ревущих моторов и дикой энергии.

От этого контраста захватывает дух, и на губах сама собой появляется улыбка.

— Ну что, насмотрелась на улики? — Калеб глушит двигатель, вылезает следом и скептически смотрит на меня, перекрикивая басы из колонок. — Кто знает, может, однажды тебе придется защищать меня и доказывать в суде, что всего этого не существует. Меня здесь никогда не было.

Я ухмыляюсь в ответ.

— Тебе придется дорого за это заплатить.

— Я справлюсь. — Его лицо моментально становится серьезным. — Держитесь ближе к капоту и даже не думайте шагать к стартовой линии. Обе.

Дениз подскакивает ко мне.

— Черт, Калеб, ты нам не папочка.

Но он остается непреклонен.

— Здесь я ваш папочка. Только поэтому и взял вас с собой.

Мы с Дениз одновременно закатываем глаза, переглянувшись. Хлоя осталась дома, отказавшись от этой авантюры, и Калеб, кажется, выдохнул с облегчением. Потому что из нас троих именно она самая сумасшедшая, а наш симбиоз, к сожалению, работает далеко не всегда в нашу пользу. Когда мы втроем, неприятности почему-то сами нас находят.

Я пробегаюсь взглядом по толпе, когда Калеб уходит. Мы с Дениз натягиваем капюшоны толстовок пониже и решаем пройтись неподалеку. Стоять возле машины совершенно не хочется. Всего пара рядов и сразу обратно.

Мы лавируем между ревущими моторами и плотной тол-

пой зрителей, стараясь не привлекать лишнего внимания. Кроме сигаретного дыма, алкоголя и громкой музыки, кажется, здесь больше ничего нет.

Я уже собираюсь предложить Дениз повернуть назад, как взгляд цепляется за фигуру у черного форсированного Мустанга.

Джакс.

Он стоит, прислонившись бедром к капоту и слегка запрокинув голову. В тусклом свете переносных ламп его резкие, хищные черты лица и темные растрепанные волосы выглядят особенно притягательно. Даже с такого расстояния я различаю темные выразительные глаза, четко очерченные брови и острые скулы. Он медленно затягивается сигаретой, выпуская тонкую струю дыма в прохладный ночной воздух, и в этом небрежном, уверенном движении столько природной, опасной грации, что отвести взгляд просто невозможно. Его полные губы, сжимающие сигарету, придают дикому образу неожиданную чувственность.

Он невероятно горяч. Той самой первобытной красотой, от которой внутри все сжимается.

Все мои барьеры и вся недавняя уверенность начинают трещать по швам.

Внезапно Джакс замирает, чуть поворачивает голову в нашу сторону, и его цепкий взгляд мгновенно натыкается на меня.

Паника накрывает меня в ту же секунду.

Не раздумывая ни мгновения, я резко дергаю Дениз за рукав и буквально вжимаюсь в широкую спину случайного парня в кожаной куртке, который как раз проходит мимо, прячась за ним, как за щитом. Сердце бешено колотится где-то в горле.

— Ты чего творишь? — шепотом возмущается Дениз, пытаясь оглянуться.

— Тихо, не оборачивайся, — выдыхаю я, натягивая капюшон ниже.

Подруга замечает Джакса, прищуривается и переводит взгляд на меня.

— Это новая тактика? Теперь ты избегаешь Риверса?

Я качаю головой.

— Не хочу попадаться ему на глаза здесь. Он и так считает, что я не даю ему прохода.

Дениз едва слышно хмыкает.

— Чтобы ты знала, дома я тебе ни на секунду не поверила.

Я удивленно изгибаю бровь.

— Ты о чем?

— Не прикидывайся. Я слишком хорошо тебя знаю, Белла.

Ответить я не успеваю. Грохот музыки резко сменяется всеобщим ревом толпы, моторы на линии старта синхронно взрываются гулом. Джакс бросает окурок на землю и гасит его подошвой ботинка. Затем одним плавным движением он открывает дверцу и запрыгивает в салон своей машины, за-

хлопывая ее в тот самый миг, когда судья взмахивает стартовыми флажками.

Толпа взрывается единым звериным криком, когда машины срываются с места, поднимая тучи сухой пыли и мелких камней. Воздух мгновенно пропитывается гарью паленой резины.

В этот момент парень, за чьей широкой спиной мы только что прятались, оборачивается. На его лице играет развязная, но вполне добродушная ухмылка. Он оценивающе смотрит на нас, легко перекрикивая грохот моторов.

— Если хотите увидеть хоть что-то, кроме чужих затылков, идемте за мной, цыпочки. Тут соваться к ограждению бесполезно, затопчут.

Мы с Дениз переглядываемся. В голове мгновенно всплывает суровый голос Калеба и его приказ стоять у машины, но парень уже разворачивается и уверенно прокладывает нам путь сквозь плотную толпу, расталкивая зевак плечами. Спорить или отставать сейчас кажется глупым, ведь зрелище уже захватывает целиком. Мы послушно семеним следом, протискиваясь ближе к самому краю трассы, туда, где обзор открывается во всю длину поворота.

Сердце бьется где-то у горла. Я забываю об обещании, данном Калебу, и ищу глазами знакомый черный Мустанг.

Джакс идет вторым, вися на хвосте у белого заряженного спорткара перед самым входом в крутой поворот каньона. Я подаюсь вперед, вцепившись пальцами в холодную сетку

ограждения, и не могу отвести взгляд от того, как уверенно и безумно опасно он входит в вираж.

Рев моторов достигает пика, когда Мустанг на невероятной скорости вылетает из финального поворота. Джакс срезает угол настолько рискованно, что кажется, будто машина вот-вот чиркнет крылом по бетонному отбойнику, но в следующее мгновение он резким движением выкручивает руль, оставляя соперника далеко позади.

Под оглушительный взрыв толпы Мустанг пересекает финишную черту.

Я выдыхаю только сейчас, осознавая, что все это время не дышала. Поворачиваюсь, чтобы поделиться впечатлениями с Дениз, но ее рядом нет.

В суматохе хлынувшей к центру площадки толпы нас просто растащило в разные стороны. Я делаю пару шагов назад, оглядываясь по сторонам и вглядываясь в мелькающие лица в тусклом свете фар.

— Дениз? — тихо зову я, но мой голос полностью тонет в общем гуле.

Проходит несколько минут. Я успеваю протиснуться сквозь несколько компаний зрителей, ругаясь про себя и пытаясь разглядеть знакомую макушку среди этого хаоса. Поиски начинают выматывать, а в груди вырастает раздражение на саму себя.

Стоило послушать Калеба. Он ведь больше никогда не возьмет меня сюда.

Я заворачиваю за какой-то фургон, надеясь, что Дениз могла уйти туда, и внезапно упираюсь в высокую фигуру. Отшатнувшись, резко поднимаю голову и замираю.

Темные глаза Джакса сужаются, а на губах появляется та самая медленная, опасная ухмылка, от которой внутри все переворачивается.

— Адвокаты сегодня предпочитают болеть из первого ряда, — низким, хриплым после гонки голосом произносит он, преграждая мне путь и заставляя вплотную столкнуться с ним лицом к лицу.

Глава 6

Джакс

Белла не отвечает.

Если честно, впервые вижу ее такой растерянной. Перед самым заездом, когда мой взгляд скользил по толпе, я заметил ее. Но она тут же исчезла, и я решил, что ошибся.

Теперь она стоит передо мной с широко распахнутыми глазами, и вся ее привычная дерзость куда-то исчезает. Кажется, я понимаю почему. Сейчас она в моем мире, а не в своем привычном, где может вести себя, как угодно. Только не здесь.

Внезапно я ловлю себя на мысли, что мне это начинает нравиться.

После тяжелой гонки адреналин все еще гудит в крови, но этот неожиданный сюрприз перекрывает весь остальной шум ночной трассы. Я делаю шаг ближе, сокращая расстояние до минимума, и упираюсь ладонью в металл фургона рядом с ее плечом, лишая пути к отступлению.

Я задерживаю дыхание, наслаждаясь каждой секундой. Та самая Белла, которая на любых студенческих вечеринках всегда уверенно шла в наступление, загоняла меня в угол острыми вопросами и беззастенчиво нарушала мое личное пространство, сейчас сама оказалась в ловушке.

Теперь правила игры изменились. И она полностью в моей власти.

Уголки моих губ сама собой трогает медленная улыбка.

— Ну так что, адвокат? — понизив голос до тихого, почти интимного шепота, спрашиваю я, наклоняясь ближе. — Решила лично собрать улики по делу о незаконных гонках? Или университет расширил программу практики до ночных облав в каньоне?

Мне нравится видеть ее такой — растерянной, прижатой к металлу фургона, сбитой с толку.

И именно на этой мысли я неожиданно спотыкаюсь.

Какого черта? Я ведь должен злиться, что она сунула нос туда, где ее могут в два счета растоптать.

Но в следующее мгновение ее глаза сужаются. В глубине темных зрачков вспыхивает тот самый знакомый, дикий и дерзкий огонек, от которого по спине мгновенно пробегает холодок. Прежняя робость исчезает без следа, уступая место ее фирменному вызову.

Она резко вскидывает подбородок, глядя на меня снизу вверх с таким видом, будто это вовсе не она сейчас прижата к стенке, а я снова едва не угодил в ее капкан.

— Улики собраны, — чеканит она каждое слово. — И что ты сделаешь? Как избавишься от них?

Ее голос звучит тихо, но с такой дерзкой уверенностью, что у меня на секунду перехватывает дыхание. Этот вызов бьет наотмашь, мгновенно снося всю мою напускную уве-

ренность.

Я зависаю на полуслове. Мой взгляд помимо воли опускается ниже, к ее чуть приоткрытым, насмешливым губам. Волна неожиданно обжигающего желания накатывает так резко, что в голове на мгновение становится пусто. Вместо того чтобы пригрозить ей или выставить отсюда, я вдруг отчетливо осознаю, как сильно хочу закрыть этот дерзкий рот поцелуем.

Я прекрасно знаю, чего она хочет. Она никогда этого не скрывала.

Я не слепой и отлично вижу, какой чертовски сексуальной она становится, когда в ее глазах горит этот безумный огонь. Если честно, я мог прижать ее к стенке и поцеловать еще пару месяцев назад, чтобы наконец узнать, какая она на вкус. Но моя проклятая гордость никогда бы этого не позволила. Я слишком хорошо знаю ее манеру выходить победительницей из любого спора, и становиться очередной галочкой в ее списке поверженных парней мне совершенно не хочется.

Ей вечно нужно доказывать свое превосходство.

Я стою и смотрю на нее, задавая себе один и тот же вопрос: я действительно круглый идиот или у меня просто раздутое до небес эго? Ведь никому бы не стало хуже. Никто бы не пострадал, если бы мы давно перестали ходить вокруг да около и отбросили эту показушную борьбу.

Но вместо этого мы снова стоим на краю пропасти и играем в опасную игру, где каждый ждет, кто сорвется первым.

Белла не подается вперед, и это почему-то выбивает почву у меня из-под ног. Обычно она не отступает ни на шаг. Наоборот, прет напролом, засыпает колкостями и перехватывает инициативу. Но сейчас она просто замирает, чуть приоткрыв губы, и смотрит на меня.

Чего она ждет? Проверяет, сорвусь ли я первым?

Но резкий взрыв шума вокруг нас мгновенно рушит это напряжение.

Сквозь грохот музыки и рев моторов прорезается тот самый звук, от которого у каждого гонщика адреналин подскакивает до критической отметки. Протяжный визг рации на высокой частоте и чей-то громкий крик через мегафон.

Толпа в один миг приходит в движение, превращаясь в безумный муравейник. Кто-то орет: «Копы!», кто-то сбивает на землю столы с аппаратурой, спешно сматывая провода, а владельцы заряженных машин срываются с места, даже не дожидаясь остальных.

На нелегальных гонках так всегда. Камеры слежения на подъездах к каньону или кто-то из парней на «фишке» замечают патрули заранее, но времени на сборы все равно остается всего несколько секунд. Каньон вспыхивает яркими лучами мечущихся фар и гудками клаксонов.

— Ты с Калебом? — быстро спрашиваю я, глядя в испуганные глаза Беллы.

Она кивает.

— Мой телефон остался в его машине.

Я вижу, с каким трудом она это произносит. Ее губы сжимаются в тонкую линию. Признаться в такой глупой оплошности — остаться в каньоне без связи и без телефона — для нее почти унижение.

Но времени на разговоры нет. Полицейские люстры уже окрашивают скалы в тревожный красно-синий цвет.

Я не теряю ни секунды. Резко перехватываю ее запястье — кожа холодная, пульс бьется с сумасшедшей скоростью — и тяну за собой. Мы протискиваемся сквозь хаотичную толпу, которая несется к машинам. На пути попадается Диего. Он лихорадочно закидывает в багажник канистры с топливом.

— Валим, Диего! Хвост на хвосте! — бросаю ему на ходу, перекрикивая рев моторов.

— Вижу! Дави их, шеф! — откликается он, захлопывая крышку багажника.

Я распахиваю дверь Мустанга, буквально закидываю Беллу внутрь, сам запрыгиваю за руль и захлопываю дверь.

Мотор оживает с пол-оборота. Мустанг срывается с места, вгрызаясь шинами в гравий и оставляя за собой облако пыли. Красные и синие вспышки патрульных машин уже отражаются в зеркалах заднего вида.

Я резко выворачиваю руль, уводя машину в узкий технологический съезд, который знают только местные гонщики. Мустанг проскальзывает между серыми скалами и растворяется в темноте, оставляя копов далеко позади.

Преследование сброшено.

В салоне повисает тишина, нарушаемая только мерным гудением остывающего двигателя. Я бросаю быстрый взгляд на пассажирское сиденье.

На губах Беллы играет улыбка. Она пытается ее скрыть, но лихорадочный блеск в глазах выдает ее с головой.

Я резко отвожу взгляд обратно на дорогу, сильнее сжимая кожаную оплетку руля.

Совершенно не знаю, как к этому относиться. Я ожидал чего угодно — паники, слез, даже истерики, — но только не этого сияющего взгляда.

Но этот миг триумфа длится недолго.

Белла резко бледнеет, кривится и вцепляется пальцами в край сиденья.

— Черт, Калеб меня убьет! — срывается с ее губ, и в голосе звучит неподдельный ужас.

Я тут же подхватываю:

— Или попадется копам, потому что сейчас носится по всему каньону и ищет тебя.

На ее лице на секунду проступает настоящий стыд. Кажется, только сейчас до нее окончательно доходит, какой переполох она устроила и в какое положение поставила друга.

И я снова ловлю себя на том, как быстро меняются маски на ее лице.

Гордая неприступная девушка.

Дерзкий адвокат.

Восторженный зритель.

Теперь испуганная девчонка, которой стыдно за собственную глупость.

Для меня это почему-то оказывается чем-то совершенно новым.

Не говоря ни слова, я тянусь к карману, достаю телефон и в пару движений нахожу контакт Калеба. Он отвечает сразу, и это может говорить о том, что сам только что сумел оторваться.

— Калеб, — сразу говорю я. — Твоя потеряшка со мной. Все нормально. Выдыхай.

В динамике на секунду становится слишком тихо, а затем раздается оглушительный выдох, полный чистого ужаса и облегчения.

— Слава богу… Чел, я чуть кирпичей не наложил! Она вообще жива?

— Думаю, тебя она сейчас боится больше, чем копов, — бросаю короткий взгляд на Беллу. — Сам как? Не зацепили?

Калеб шумно втягивает воздух.

— Да, ушел. Копы чуть не зажали на выезде к трассе, пришлось через овраг прыгать. Тачка цела, сам живой. Привези ее к заправке у шоссе, мы с Дениз будем через десять минут.

— Понял.

Я сбрасываю вызов и кладу телефон на центральную консоль.

Белла бросает на меня быстрый, изучающий взгляд. В нем снова вспыхивают знакомые искры.

— Мне тебя поблагодарить? — с легкой, выжидательной усмешкой спрашивает она.

Я криво улыбаюсь, не отрывая взгляда от дороги, и выдаю то, от чего у самого внутри все с треском рушится.

— Естественно. Только я сам придумаю как именно. И попозже.

Слова слетают с языка раньше, чем я успеваю их остановить. Я крепче сжимаю руль, чувствуя, как внутри поднимается что-то похоже на шок.

Какого черта я только что сказал?

Это ведь звучит как откровенный флирт. Как вызов. Как продолжение той самой опасной игры, в которую я поклялся не играть. Неужели эта невыносимая девчонка действительно сумела пробить мою броню?

Белла едва слышно усмехается, но уже в следующую секунду ее лицо снова мрачнеет.

— Позже вряд ли получится, — цедит она, нервно прикусывая губу и глядя в боковое окно. — Скорее, тебе понадобится черный костюм на мою панихиду. Калеб меня точно прибьет.

Я только качаю головой, чувствуя, как на губах появляется невольная ухмылка. Но ответить не успеваю. Телефон на центральной консоли снова оживает. Короткая вибрация, и на экране высвечивается имя Калеба.

Я включаю громкую связь.

— Джакс, у меня хвост! — раздается в динамике его напряженный голос, перекрываемый ревом двигателя и воем сирен где-то позади. — На меня сел патруль. Пытаюсь уйти по окружной, но они висят на бампере! Я к заправке не успею, забудь!

Связь обрывается.

Я медленно перевожу взгляд на Беллу. На ее лице застывает смесь ужаса и обреченности.

Калеб не просто задерживается. Он сам оказался в ловушке.

— Ну что, — усмехаюсь я, хотя внутри все напрягается до предела, и резко переключаю передачу. — Похоже, черный костюм пока отменяется. Придется везти тебя домой самому. Диктуй адрес.

— С ним все будет в порядке? — обеспокоенно спрашивает Белла.

Я уверенно киваю.

— Можешь не сомневаться.

***

Я подруливаю к ее дому, глушу мотор и выключаю фары. Белла замирает на пассажирском сиденье, глядя на меня.

— Спасибо, Джакс, — говорит она тихо.

И в этот момент в ее голосе нет ни капли едкого сарказ-

ма или откровенного флирта. Только усталость и странная, непривычная мягкость.

Я поворачиваюсь к ней, упираясь рукой в спинку ее кресла.

— Не за что, адвокат. Только в следующий раз, когда решишь сунуться в этот змеюшник без связи и телефона, хотя бы думай головой.

Она едва заметно кривит губы в подобии своей фирменной ухмылки, но глаза остаются серьезными.

— Постараюсь, — отвечает она уже гораздо тише обычного.

И почему-то не спешит уходить. Словно между нами все еще висит то самое недосказанное обещание. И невысказанная благодарность.

Я смотрю сначала на ее губы. Потом в глаза. Чувствуя, как этот чертов воздух в салоне снова начинает искрить.

— Я ведь слов на ветер не бросаю, Арабелла, — напоминаю ей, нарушая затянувшуюся паузу. — Свой долг ты мне все еще должна.

Она медленно выдыхает, чуть подаваясь вперед. Но вместо ответа резко дергает ручку двери и распахивает ее.

— Сначала доживи до этого, Джакс, — бросает она через плечо, выскальзывая из машины, и захлопывает дверцу.

Я провожаю ее взглядом, пока она поднимается по крыльцу, и чувствую, как внутри все горит.

Чертовка определенно знает, как свести с ума.

Она сменила тактику.

Глава 7

Белла

Я осталась жива, и это уже маленькая победа, учитывая, с каким выражением лица Калеб отчитывал меня сегодня утром за все безумия прошлой ночи.

Он действительно не стал меня убивать, за что ему определенно стоит сказать спасибо, но предсказуемо объявил, что о любых ночных поездках на трек можно забыть раз и навсегда. Больше он меня с собой не возьмет, даже если я буду стоять перед ним на коленях и умолять.

Только вот он сильно недооценивает мою привычку добиваться своего.

Я помешиваю остывающий кофе на кухне юридической клиники и смотрю в окно. Я вовсе не расстроена этим запретом. Совсем наоборот, потому что теперь шахматная доска выглядит совершенно иначе. Я своими глазами увидела, как устроены нелегальные гонки, как работают тайные маршруты и где искать лазейки, а главное — узнала слабое место главного гонщика этого каньона.

Его имя крутится в мыслях назойливой мелодией, от которой никак не получается избавиться.

С самого утра я пытаюсь сосредоточиться на рабочих документах, разложить по полочкам свежие иски, но стоит за-

крыть глаза, как перед внутренним взором тут же всплывает темный салон его Мустанга, прожигающий взгляд и тот самый голос, пообещавший самостоятельно придумать плату за мое спасение.

Свой долг ты мне все еще должна.

Отзвук этих слов заставляет пальцы сильнее сжать керамическую кружку. Я чувствую себя так, будто сама добровольно шагнула в ловушку, но почему-то совершенно не хочу из нее выбираться. Джакс въелся под кожу острым осколком, и выбросить его из головы оказывается гораздо сложнее, чем выиграть самый сложный судебный процесс.

Дверь кабинета приоткрывается, и на пороге появляется мистер Кеннеди. Выглядит он, как всегда, уставшим: чуть помятый костюм, папка документов под мышкой и вечное выражение человека, которого, кажется, ничто уже не способно поразить.

— Арабелла, вот ты где, — произносит он, останавливаясь рядом и упираясь пальцами в столешницу. — Если хочешь увидеть, как закон работает в дикой природе, а не на бумаге в аудитории, собирайся. У меня через час продолжение судебного разбирательства по одному делу. Мы уже близки к завершению, и мне нужен толковый второй номер, чтобы вести записи и структурировать материалы. Пойдешь стажером?

Я смотрю на него, чувствуя, как внутри на секунду замирает дыхание.

— Конечно, пойду, — отвечаю слишком быстро, будто боюсь, что мистер Кеннеди передумает.

Уже через сорок минут мы приезжаем в здание окружного суда округа Марикопа в Финиксе. Кеннеди на ходу бросает мне папку с материалами дела, о котором успел вкратце рассказать по дороге, и мы быстро проходим в зал заседаний.

На скамью подсудимых усаживают парня. На нем стандартная роба округа, руки закованы в цепи, а на запястьях звенят наручники. Бледный, с запавшими глазами, он выглядит до ужаса молодо.

Это Томас. Брат той самой девушки, о которой я читала в материалах по дороге сюда и которую нашли мертвой.

Кеннеди садится за стол защиты и молча кивает мне занять место рядом. Я опускаюсь на жесткий стул, чувствуя, как ладони внезапно становятся ледяными. В зал входит судья, и секретарь объявляет о продолжении слушания по делу штата против Томаса Миллера.

Прокурор поднимается со своего места. Его голос звучит ровно и сухо, разрезая гулкую тишину.

— Штат Аризона против Томаса Миллера. Обвинение в убийстве первой степени по статье 13-1105 Уголовного кодекса Аризоны.

Слова звучат оглушительно, одно за другим. Раньше о таком я только читала. Прокурор напоминает обстоятельства той ночи: ссора в квартире из-за того, что сестра продолжала

встречаться с заклятым врагом Томаса, крики, глухие удары, несколько ножевых ранений, от которых девушка скончалась.

Обвинение настаивает, что Томас заранее обдумал свои действия и намеренно лишил сестру жизни. Прокурор добивается обвинительного вердикта по первой степени, а это означает, что Томасу может грозить пожизненное заключение. Кеннеди делает пометку на полях блокнота, перелистывая страницу. Его задача — оспорить версию обвинения, поставить под сомнение доказательства предумышленности и добиться более мягкой квалификации, если оправдать Томаса не удастся.

Я смотрю на Томаса. Он не поднимает глаз. Его взгляд прикован к деревянной столешнице, пальцы судорожно сцеплены в замок, а плечи едва заметно подрагивают. Я ожидала увидеть монстра из криминальных сводок. Вместо этого передо мной сидит сломленный парень, который своими руками уничтожил самое близкое, что у него было, из-за тупой вражды.

Рядом Кеннеди демонстрирует абсолютный, ледяной профессионализм, внимательно разбирая показания свидетелей и сопоставляя их с материалами дела. Я впервые вижу вживую, в какой липкой грязи мне предстоит работать, и от этого осознания перехватывает дыхание.

Я сглатываю, заставляю пальцы разжаться и крепче перехватываю ручку. Я не позволяю себе опустить руки или вы-

дать хоть единым движением то, как внутри все оборвалось.

Лицо должно оставаться каменным. Профессиональным. Непроницаемым. Таким, каким его держат опытные юристы за этим столом. Если сейчас покажу слабину или сорвусь на дрожь в голосе, Кеннеди сожрет меня живьем, а моя университетская репутация умрет быстрее, чем закончится это заседание.

Заседание продолжается, превращая трагедию в сухую последовательность показаний, документов и вопросов. Прокурор вызывает свидетелей, представляя доказательства обвинения, а я стараюсь фиксировать каждую деталь.

— Защита, ваш выход для перекрестного допроса, — раздается бесстрастный голос судьи.

Кеннеди поднимается плавно и уверенно, что почти несвойственно его фигуре. Но на удивление в зале суда Кеннеди преображается. Он начинает задавать свидетелю один вопрос за другим, возвращаясь к деталям, которые прокурор предпочел оставить без внимания. В показаниях соседей и полицейских рапортах Кеннеди находит противоречия, заставляя свидетелей уточнять собственные слова и постепенно расшатывая версию обвинения.

Я смотрю на наставника и понимаю, насколько настоящая работа адвоката отличается от того, о чем нам рассказывают в университете. Здесь все гораздо сложнее, и мне еще многому предстоит научиться. Но этот путь я выбрала сама.

Когда судья наконец объявляет перерыв, я позволяю се-

бе сделать судорожный выдох. Заседание продолжится позже, но сегодня я уже увидела достаточно, чтобы понять, насколько далека настоящая работа адвоката от того, что нам рассказывают на лекциях. Кеннеди быстро собирает бумаги в потертую кожаную папку и бросает на ходу оценивающий взгляд на мои исписанные дрожащим почерком страницы.

— Для первого раза неплохо, Арабелла. В машине ждет еще одна стопка отчетов по баллистике. Разбери их до завтра.

Я молча киваю, поднимаясь из-за жесткого стола. На ватных ногах иду вслед за ним к тяжелым дверям, бросая последний взгляд на Томаса, которого конвой уже уводит обратно в камеры.

Выйдя на залитые слепящим солнцем ступени окружного суда, я все равно не чувствую облегчения. Прошлогодняя уверенность в том, что я знаю о жизни и праве почти все, рассыпалась в прах в этом самом холодном зале суда.

Дорога обратно в юридическую клинику кажется дорогой в совершенно другую реальность.

***

Я сбрасываю туфли прямо в прихожей, прохожу в полутемную гостиную и сразу направляюсь к мини-бару. Одним движением открываю дверцу, достаю бутылку и наливаю себе полный бокал вина. Сделав большой глоток, который при-

ятно обжигает горло, дохожу до дивана и буквально падаю на него, чувствуя, как напряжение наконец начинает отпускать плечи.

Мысль о том, что почти все мои вечера теперь будут выглядеть примерно так, на секунду погружает в уныние, но я стараюсь не зацикливаться на этом.

Только не сейчас. И желательно никогда.

Тишину нарушает вибрация телефона. Достав его из сумочки, я вижу сразу несколько входящих сообщений. Мне не хочется идти в клуб. Не хочется в спа. Не хочется на концерт. Я даже не открываю переписки, игнорируя все приглашения. Сегодня мне нужен только один способ расслабиться.

Я могла бы написать Кевину. Могла бы написать еще нескольким парням и получить то, чего сейчас отчаянно хочется. Но не делаю этого. Не потому, что я хорошая и правильная девочка. Потому что я не хочу их. Я хочу…

Боже, уходи из моей головы, чертов гонщик.

Поднявшись в свою спальню, я плотно закрываю дверь. Пальцы механически расстегивают пуговицы рубашки, сбрасывают ее на пол вместе с юбкой и бельем. Прохладный воздух комнаты касается разгоряченной кожи, но внутри все равно горит липкое напряжение этого дня. Я подхожу к комоду, выдвигаю нижний ящик и достаю оттуда матовый пластиковый кейс.

На кровать падаю уже без сил сопротивляться собственным мыслям. Закрываю глаза, и вместо стерильных стен су-

да, бумаг и чужих голосов перед глазами мгновенно возникают темные, насмешливо-холодные глаза. Его пренебрежение, та самая ухмылка и уверенность.

Я жму на кнопку устройства, и тихий гул мотора заполняет комнату. Я раздвигаю бедра, устраиваясь посреди смятых простыней, и скольжу пальцами ниже, проверяя собственную готовность. Кожа уже горит от внутреннего жара, а между ног все влажно от предвкушения. Я подношу гладкую насадку вибратора к самому входу и, чуть выгнувшись, плавно проталкиваю ее внутрь. Тело моментально отзывается. Скользкое, тугое кольцо мышц жадно сжимается вокруг вибрирующего пластика, смазывая его собственной смазкой, которая стекает по внутренней стороне бедер. Я прижимаю устройство плотнее, добавляя оборотов.

С каждым новым толчком меня бросает в жар. Я зажмуриваюсь, представляя, как вместо бездушного пластика меня касается грубая, горячая мужская рука, как он смотрит на меня сверху вниз своим проклятым, равнодушным взглядом.

Влажная от пота кожа скользит по простыням, дыхание сбивается на прерывистые стоны. Каждое движение приносит волну удовольствия.

Когда меня накрывает оргазм, я хватаю ртом воздух и продолжаю скользить вибратором внутри своего тела. От удовольствия сжимаю пальцы на простыне слишком сильно. Я закусываю губу до боли, чтобы не закричать в пустой комна-

те его имя.

Глава 8

Джакс

Из колонок старой стереосистемы ревет тяжелый рок, заглушая скрежет металла и грохот инструментов. Я стою у подъемника, зажав в зубах сигарету, и с усилием затягиваю болт на рычаге передней подвески побитого седана. Этот хлам свалился нам с Люком еще на прошлой неделе. Один чувак знатно приложил тачку о бетонный отбойник, а теперь требует вернуть ее на колеса к утру. Руки по локоть в машинном масле, под ногти въелась грязь, а в голове на удивление пусто после тяжелого дня.

В открытые ворота мастерской врывается мощный, низкий рокот мотора, от которого даже пол под ногами слегка вибрирует. Я поднимаю голову, выплевываю окурок в сторону мусорного бака и жмурюсь от яркого света фар.

На площадку плавно заруливает новенький черный спорткар с идеальными линиями кузова и затонированными стеклами. Машина выглядит так, будто только что сошла с рекламного буклета, и среди наших ржавых бочек, масляных луж и разобранных двигателей кажется совершенно чужой. Дверь открывается, и из салона вальяжно выбирается Калеб. С неизлечимо уверенным выражением лица и легкой ухмылкой на губах он выглядит так, словно заскочил сюда по пу-

ти на закрытую вечеринку, а не в пыльную автомастерскую на окраине города. На нем простая черная рубашка с закатанными рукавами и дорогие часы, которые стоят примерно, как половина наших заказов за месяц.

Мы знакомы с первого курса колледжа, но уже давно перестали удивляться контрастам друг друга. Калеб — парень из другого мира, где учатся в престижных университетах и рассуждают о кодексах, но он почему-то предпочитает проводить время с нами, где за душой только гаечные ключи, рев моторов и верность пыльной дороге. Между нами никогда не было фальши. Мы прошли через слишком многое на уличных треках и за их пределами.

Калеб обходит свой спорткар, хлопает ладонью по капоту и направляется прямо ко мне, перешагивая через разбросанные шланги.

— Риверс, дружище, — бросает он с порога, останавливаясь в шаге и прислоняясь плечом к верстаку. — Выглядишь так, будто эта железяка пытается тебя придушить.

— Скорее я ее придушу, если этот хозяин-неудачник еще раз позвонит с расспросами, — хмыкаю я, вытирая руки о промасленную тряпку и выключая музыку.

Калеб только усмехается, складывая руки на груди, но в его глазах уже мелькает тот самый лихорадочный блеск, который я слишком хорошо знаю.

В этот момент из двери, ведущей в дом, выходит Люк, вытирая мокрые волосы полотенцем.

— Давно не виделись, старик, — ухмыляется он, перекидывая полотенце через плечо. — Я думал, ты все еще на дальних трассах пыль глотаешь.

Калеб закатывает глаза, но уголки его губ все равно дергаются в улыбке.

— Отвали, Люк. Я вообще-то по делу, — спокойно отвечает он, переводя взгляд обратно на меня. — Нам нужно поговорить насчет следующей недели. Я хочу участвовать в гонках.

— Участвовать, — цежу я, кривя губы в усмешке. — Ты забыл, сколько времени прошло с твоего последнего заезда? Или память отшибло?

Люк сразу напрягается. Он переводит тяжелый взгляд с меня на Калеба, и в мастерской на секунду повисает тишина, которую нарушает только гул старого компрессора в углу.

Калеб не отводит глаз. Его лицо каменеет, на скулах выступают желваки.

Тема больная.

После той аварии в прошлом сезоне, когда он едва ушел от патрульных на трассе под Финиксом и вдребезги разнес машину в каньоне, ему пришлось несладко. Машина отправилась на свалку, сам он отделался парой треснувших ребер, а дома поднялся такой шторм, что пришлось залечь на дно. Отец взбесился, перекрыл счета и пригрозил навсегда отрезать его от семейного фонда, если Калеб еще хоть раз сунется на нелегальный трек. Целый год ушел на то, чтобы вер-

нуть доверие, уладить дела и заставить старика хоть немного ослабить хватку.

— Я не забыл, Джакс, — тихо, но твердо произносит Калеб, делая шаг вперед. — И ребра давно срослись. Год на привязи закончился. Я снова в деле. И мне нужен нормальный аппарат под этот заезд.

— Год на привязи, — повторяю я, чувствуя, как внутри закипает раздражение. — Легко говорить, когда целый год мы разгребали за тебя проблемы перед организаторами и доказывали, что ты не конченый лузер, за которого мы поручились. Ты чуть не сорвал весь сезон своей дурацкой аварией.

Люк отталкивается от косяка и подходит к нам ближе.

— Джакс прав, Кэл. Трек не прощает ошибок, и правила там жесткие. Допускают только тех, кто умеет держать себя в руках, а не вылетает с трассы из-за переоценки сил. Мы поручились за тебя перед организаторами, и второй такой лажи они нам не простят.

Калеб выдыхает, сокращая расстояние между нами. В его глазах снова вспыхивает та самая искра, за которую мы его и ценим, и готовы придушить одновременно.

— Я никому не собираюсь ничего доказывать через силу. Та авария была ошибкой, черт возьми. Я вынес из нее урок. Но год прошел. Я отсидел свой срок на скамейке запасных, вернул контроль над своей жизнью и чертовски готов к этой гонке. Мне нужен нормальный аппарат. Вы поможете собрать машину или мне идти к другим парням?

— Ни к кому ты не пойдешь, манипулятор херов, — бросаю я, качая головой.

На лице Калеба тут же расплывается довольная улыбка.

— Но учти, — добавляю уже серьезно, глядя ему прямо в глаза, — это твой единственный шанс.

***

К вечеру основная мастерская закрывается тяжелыми рольставнями, но в примыкающем к дому гараже сразу становится тесно. Народу набивается битком: наши друзья, знакомые гонщики, девушки. Часть компании вообще высыпает на лужайку перед входом, устраиваясь на складных стульях и катушках из-под кабеля.

Внутри уже вовсю гремит музыка, пахнет пивом, пиццей и привычным машинным маслом. Кто-то сидит на крыле старого пикапа, кто-то толпится у верстака, перекрикивая треки и обсуждая будущие заезды.

Мы с парнями стоим рядом с Мустангом под белым светом переносной лампы, когда у Калеба в кармане звонит телефон. Он смотрит на экран и сразу принимает вызов.

— Дениз?

Вместо спокойного ответа из динамика доносится гул оживленной улицы, звонкий, разъяренный голос и еще несколько криков на заднем плане.

Калеб слушает буквально пару секунд, и его лицо момен-

тально темнеет.

— В смысле на дороге? Какой еще пикап? — рявкает он, перекрывая шум гаража. — Вы где конкретно? Стойте на месте. Я рядом.

Он сбрасывает вызов и тут же выдергивает из кармана электронный брелок от спорткара. Желваки на его скулах ходят ходуном.

— Эй, полегче. — Я перехватываю его запястье, бросая взгляд на стакан, который он успел опустошить полчаса назад. — Ты куда собрался? Забыл, сколько выпил?

— Какой-то мудак перекрыл девчонкам полосу и доводит дело до драки.

Я смотрю на его потемневшее лицо и понимаю, что спорить бесполезно. Он сорвется в любом случае.

Твою мать.

Ненавижу дорожные разборки, да и быть чьей-то нянькой никогда не входило в мои планы. Но прямо сейчас отмахнуться было бы по-настоящему дерьмово.

— Не хватало еще привлекать внимание копов. Я веду.

Я протягиваю руку, не оставляя ему выбора. Калеб сжимает зубы, но бросает брелок мне в ладонь. Мы выскакиваем из гаража, запрыгиваем в его заниженный спорткар, и низкий рокот двигателя мгновенно заполняет улицу, когда мы срываемся с места.

***

До нужного перекрестка долетаем минут за пять.

Аварийки мигают резким оранжевым светом, освещая асфальт. На полосе капот к капоту сошлись белоснежная Ауди и массивный пикап. Вокруг уже собралось несколько зевак, но вмешиваться никто не спешит.

Я знаю подруг Калеба не первый год и, если честно, совершенно не удивлен, что они умудрились попасть в подобную историю.

Хлоя, судя по всему сидевшая за рулем, сейчас пылает чистой яростью. Она стоит напротив здоровенного мужика в потертой куртке и высказывает ему все, не выбирая выражений. Белла и Дениз, обе злые как черти, синхронно поддакивают ей, не позволяя водителю сделать и шага назад.

Мы с Калебом выходим из машины.

Именно в этот момент водитель пикапа, окончательно потеряв терпение от потока оскорблений, грубо хватает Хлою за руку, дергая ее на себя. Для Калеба это становится красной тряпкой.

— Убери руки, урод!

Он срывается быстрее, чем я успеваю сделать шаг, и влетает в мужика всем корпусом, сбивая его на асфальт.

Твою мать.

Хлоя пытается пнуть упавшего, но Дениз вовремя оттаскивает ее назад. Я сразу перевожу взгляд на Беллу, которая стоит слишком близко к эпицентру, и первым делом хватаю

ее за плечо, оттягивая подальше от летящих во все стороны кулаков.

— Эй, спокойно. Все нормально.

Я заслоняю ее собой, пока Калеб уже вколачивает кулак в челюсть мужика, который отчаянно пытается отбиваться.

— Что-то не похоже, — сухо отвечает Белла у меня за спиной.

Под напором ярости и веса Калеба водитель быстро сдувается. Я парой резких движений оттесняю зевак, пока этот тип окончательно не утыкается носом в асфальт, поднимая руки в защитном жесте.

— Еще раз подойдешь к их машине — зубы будешь собирать через раз. Усек? — шипит Калеб, тяжело дыша и стряхивая с костяшек капли крови.

— Нам нужно валить отсюда, — говорю я, оттаскивая его.

Зеваки начинают расходиться, потеряв интерес.

— Белла! — кричит Хлоя. — Засадим этого придурка? Перед тобой, между прочим, адвокат!

Мужик медленно поднимается с земли и зло смотрит на нас.

— А как насчет нападения, неудачники?

Калеб усмехается и снова делает шаг к нему.

— Лучше проваливай на своей колымаге. Как видишь, неудачник здесь как раз ты.

На лице водителя отчетливо читается поражение. Он замечает дорогой спорткар, куртку Калеба и понимает, что на-

рвался совсем не на тех, кого рассчитывал припугнуть. Выругавшись и сплюнув на землю, он забирается в пикап и уезжает, скрипя разбитым бампером.

Хлоя показывает ему средний палец вслед и переводит взгляд на белоснежную Ауди.

Теперь повреждения видны отлично. Разбит угол переднего бампера. Треснула фара со стороны водителя. Поцарапано крыло.

— Его страховка должна это покрыть? — осторожно спрашивает Дениз, растерянно переводя взгляд с машины на нас.

Белла качает головой.

— Не сработает. Мы не вызвали полицию вовремя. К тому же Калеб только что при свидетелях настучал ему по лицу.

Все дружно поворачиваются к Калебу.

— Что? — морщится он.

— Вечно ты все портишь, — сквозь зубы цедит Хлоя.

Друг едва не скалится.

— Вообще-то я тебя защищал.

— Я об этом не просила.

— Серьезно? Он едва тебя не ударил.

— И ответил бы за это.

— Да, но только после того, как испортил бы твое милое личико. Оно бы того стоило? — Калеб подходит к ней ближе. — О чем ты вообще думала, когда набрасывалась на парня размером со шкаф?

Эта девчонка действительно сумасшедшая. Судя по ее

взгляду, она бы прямо сейчас набросилась и на Калеба.

— Этот ублюдок сам виноват. Он должен заплатить за ремонт. А тебе не стоило размахивать кулаками.

— Какая же ты лицемерка, Хло. До нашего приезда ты делала ровно то же самое.

— Он прав, — вставляет Дениз.

— Ты на чьей стороне?

— Замолчите! — Белла резко повышает голос, заставляя всех повернуться к ней. — Он бы все равно слился до оформления. К тому же у полиции было бы слишком много вопросов к Калебу.

Тот молчит, поджав губы. Ему это сейчас действительно совсем ни к чему, особенно после сегодняшнего заявления о возвращении на трек.

— А твоя страховка? — снова спрашивает Дениз.

Значит, Ауди принадлежит Белле.

Она устало проводит рукой по лбу.

— Не поможет. Без оформления ДТП страховая просто откажет.

Калеб еще раз осматривает повреждения машины.

— Джакс справится. Я заплачу.

Все одновременно поворачивают головы в мою сторону. Он даже не спросил. Я машинально смотрю не на него, а на Беллу. И неожиданно зависаю.

На ее лице нет привычной победной ухмылки. Она только слегка хмурится, и почему-то именно это сбивает меня с

толку. Но уже через секунду она отворачивается к Калебу.

— Почему платить будешь ты?

— Потому что из-за него мы не вызвали полицию, — пожимает плечами Хлоя. — Справедливо. Хоть где-то у тебя сработала голова.

— Не нарывайся, Хло.

Калеб делает шаг в ее сторону. Дениз громко стонет, запрокинув голову.

— Им нужно снова переспать.

— Этого никогда не повторится! — тут же заявляет Хлоя, забираясь за руль Ауди.

Белла косится на меня и с лукавой улыбкой добавляет:

— Не зарекайся.

Черт.

Вот теперь я узнаю прежнюю Беллу.

— Придурки, — качает головой Дениз, доставая из кармана звонящий телефон.

Мы с Беллой остаемся одни. Она внимательно смотрит на меня.

— Я заплачу тебе сама, если ты займешься машиной.

Мой взгляд скользит по ее лицу, задерживается на глазах и только потом переходит к разбитой Ауди.

— Я ей займусь, — неожиданно для самого себя отвечаю я. — О деньгах пока не думай.

Ее глаза становятся чуть шире.

— Хочешь сказать, что теперь я буду должна тебе вдвой-

не?

Она не забыла про каньон. Если честно, я тоже.

— Именно.

Я пытаюсь сохранить привычное равнодушие, которое столько месяцев отлично работало, но сегодня будто разучился это делать. Пульс слишком бодро стучит в висках.

Белла изучает меня долгим взглядом, словно решая, стоит ли продолжать эту опасную игру, но в этот момент из салона Ауди доносится очередной взрыв. Хлоя снова орет на Калеба так громко, что стекла едва не дрожат.

— Они сейчас разнесут твою машину изнутри, — смеется Дениз, возвращаясь к нам и указывая на машину.

Белла закатывает глаза.

— Боже.

Я достаю брелок из кармана джинсов и киваю девушкам в сторону спорткара.

— Садитесь. Едем ко мне.

Глава 9

Белла

Джакс предлагает починить машину так просто, будто мы близкие друзья.

Я выхожу из спорткара Калеба, смотрю на напряженную спину Джакса, который широкими шагами направляется к открытому гаражу, и чувствую, как внутри закипает странный коктейль из удивления и сомнений. С чего вдруг такая забота?

Я снова и снова прокручиваю в голове его слова, пытаясь найти хоть капельку логики. Может, я просто принимаю желаемое за действительное? Чертовски хочется верить, что за этим скрывается что-то большее, но реальность быстро отрезвляет. Скорее всего, он по-прежнему холоден ко мне, а все эти жесты исключительно потому, что Калеб его друг. Никаких других причин быть не может. От этой мысли внутри неприятно колет, но я заталкиваю раздражение куда поглубже.

Мое белое купе останавливается следом. Хлоя заглушает мотор, выходит вместе с Калебом и остается стоять у машины, осматриваясь. Судя по происходящему в гараже и на лужайке, здесь вовсю идет вечеринка. Подъездная дорожка забита спортивными машинами, из открытого гаража льется

громкая музыка, повсюду слышатся смех и голоса.

Калеб почти сразу исчезает в толпе парней, которые обступают его с вопросами. Стоящая позади меня Хлоя фыркает, наблюдая за этим, а Дениз, улыбнувшись, пихает меня локтем в плечо.

— Ты же хотела попасть в мир Риверса. Пользуйся.

— Ага, — неуверенно отвечаю я.

В своей привычной обстановке я была куда увереннее. Но здесь вся моя решительность снова испаряется. Точно так же было на треке.

Калеб быстро возвращается к нам и жестом зовет в примыкающую к дому мастерскую с вывеской «Братья Риверсы». Джакс выходит уже оттуда своей фирменной походкой и молча протягивает руку в сторону Хлои. Она без лишних слов бросает ему ключи от моей Ауди.

— Я могу присоединиться к вечеринке? — спрашивает она, кивнув в сторону гаража. — Вечер был паршивым.

Калеб все еще выглядит раздраженным после их перепалки, но лишь пожимает плечами. Они уходят вместе, растворяясь в шумной компании. Некоторые бросают на нас любопытные взгляды, но расспрашивать никто не спешит.

В это время Джакс садится за руль моей машины и загоняет ее внутрь мастерской.

— Вы тоже можете отдохнуть и выпить, — спокойно говорит он, выходя из салона.

Дениз незаметно подмигивает мне и сразу пользуется при-

глашением. Через секунду я остаюсь одна и медленно переступаю порог мастерской.

Внутри пахнет машинным маслом, металлом и еще много чем, в чем я точно не разбираюсь. Вдоль стен выстроились массивные верстаки, заваленные деталями, пружинами и инструментами, а над ними на перфорированных панелях идеально развешены ключи, шестигранники и отвертки всех размеров. Под потолком ярко горят длинные лампы, заливая белым светом машины и подъемники. В углу приткнулся потертый диван рядом со старым музыкальным центром. Здесь царит тот самый мужской хаос, который почему-то существует по собственным, идеально понятным хозяевам законам.

Если не считать приглушенных звуков вечеринки снаружи, здесь почти тихо. Только негромко гудят лампы под потолком.

Джакс стоит рядом с моей машиной, внимательно разглядывая повреждения, всем своим видом показывая привычную сосредоточенность. Затем молча выпрямляется, стягивает через голову черную футболку, комкает ее и бросает на диван.

Я невольно замираю.

На его левой лопатке темнеет реалистичная татуировка — глубокие рваные следы когтей, будто кто-то действительно рассек кожу, оставив запекшиеся полосы. Когда он поворачивается ко мне лицом, я окончательно теряю способность

мыслить здраво. Рельеф его тела выглядит жестким и естественным, без дешевой показухи. Он не пытается флиртовать, не улыбается самодовольно, не играет мышцами. Просто смотрит своим тяжелым, чуть хмурым взглядом, в котором прячется какое-то невидимое напряжение.

— Будешь чинить прямо сейчас? — спрашиваю я, облизнув пересохшие губы.

— Не люблю откладывать работу на потом, — спокойно отвечает он и берет с верстака серую рабочую майку.

Я все еще смотрю на него, пока он натягивает ткань через голову. На губах Джакса появляется едва заметная улыбка — он поймал мой взгляд. Наверняка решил, что я снова пытаюсь играть с ним. Но он ошибается. Я никогда не любила игры. Я всегда знала, чего хочу, и говорила об этом прямо.

Я делаю шаг вперед, сокращая расстояние почти до нуля. Между нами остается всего несколько дюймов. Джакс не отступает, но все его тело мгновенно напрягается. Я отчетливо вижу, как ходят желваки на скулах, как тяжелее становится его дыхание, как взгляд против воли цепляется за мои губы. Он хочет меня. Это читается слишком ясно. Но с каким-то упрямым, почти болезненным упорством продолжает держать себя в руках.

— Мне не нравится думать, что я кому-то что-то должна, — честно признаюсь я, не отрывая от него глаз. — Назови свою цену прямо сейчас.

Он молчит несколько долгих секунд, внимательно изучая

мое лицо. Его взгляд скользит по моей шее, задерживается на губах и снова возвращается к глазам.

— Это совсем не то, что я хочу от тебя взамен, — хрипло произносит он.

— Знаю, — тихо отвечаю я.

В этом слове звучит мое собственное поражение.

Я уже собираюсь уйти, но Джакс неожиданно перехватывает меня за запястье. Не грубо, но так, что сопротивляться бессмысленно. Одним плавным движением он притягивает меня обратно. Его лицо оказывается совсем близко. Я чувствую жар его дыхания. Его губы замирают в каком-то жалком дюйме от моих, и на секунду мне кажется, что сейчас все закончится поцелуем.

Но вместо этого он медленно склоняется к моему уху.

— Ты же сама говорила… Мне нужна девушка, которая будет заглядывать мне в рот. Что уверенная сложность слишком высокий уровень для меня.

По спине пробегают мурашки.

Боже.

Он запомнил это дословно.

— Так ты все же согласен, что я для тебя слишком сложная?

Несколько секунд он ничего не отвечает. Его пальцы чуть сильнее сжимают мое запястье.

— Да, Белла, — шепчет он мне прямо в ухо.

Что я вообще ожидала услышать? Эта близость ничего не

меняет. Или меняет слишком многое.

Кажется, Джакс собирается сказать что-то еще. Он отстраняется от моего уха, поднимает взгляд к моим глазам и слегка приоткрывает рот, но в этот момент дверь мастерской открывается.

Мы одновременно отстраняемся друг от друга. Я освобождаю руку и делаю несколько шагов назад.

На пороге стоит высокий темноволосый парень, удивительно похожий на Джакса. Те же темные глаза, резкие скулы и тот же уверенный взгляд.

— Упс. Не хотел вам мешать.

— Ты не помешал, — быстро отвечает Джакс, прочищая горло. — Что случилось, Люк?

— Да ничего особенного. Просто решил проверить, куда вы Калебом пропали. Потому что сейчас Кэл выглядит так, будто у него в заднице осиновый кол. Судя по всему, его подружка решила пофлиртовать с Диего прямо у него перед носом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.